

Д. Л. Шереметьева

**Цензура в Сибири периода «демократической контрреволюции»
(конец мая – середина ноября 1918 г.)***

Вопрос об установлении контроля за содержанием и распространением массовой информации в период гражданской войны в Сибири неоднократно привлекал внимание отечественных исследователей.

Процесс изучения цензуры этого периода, начавшийся во второй половине XX в., шел нелинейно, «страдавая» от политической ангажированности и фрагментарности источниковой базы. В советской историографии 1960–1980-х гг. бытовало мнение об изначальном введении антибольшевистскими органами власти в Сибири жесткой военно-политической цензуры¹. Оно не требовало основательных доказательств, так как считалось очевидным в силу того, что советских и партийных коммунистических газет после антибольшевистского переворота на территории края не издавалось.

Отход от идеологической и методологической заданности в изучении гражданской войны отразился в начале 1990-х гг. и на исследовании цензуры антибольшевистских правительств в Сибири. Омский исследователь А.Н. Никитин ввел в оборот новые эмпирические данные и сделал предположение, что летом – осенью 1918 г. в Сибири система контроля за прессой не была унифицирована, а наибольшая опасность для изданий исходила от военных². Однако его утверждение, по сути, не было воспринято. На рубеже XX–XXI вв. исследователи С.П. Звягин, Л.А. Молчанов, Г.В. Жирков, анализируя средства массовой информации России периода революции и гражданской войны, несмотря на качественное расширение источниковой базы, не прослеживали процессов становления антибольшевистской цензуры, акцентируя внимание лишь на той форме, сложившейся в 1919 г. Они нивелировали особенности периода «демократической контрреволюции», упустив важный этап генезиса антибольшевистских режимов, и утверждают, что в период гражданской войны российские газеты всех государственных образований были поставлены под жесткий цензурный контроль³.

Шереметьева Дарья Леонидовна, аспирант Института истории СО РАН
Эл. почта: dalas83@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (проект № 07-01-00551а).

¹ *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная (большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции и иностранной интервенции в годы гражданской войны). Кемерово, 1968. С. 37; *Семенова Н.М.* Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 7.

² *Никитин А.Н.* Периодическая печать как исторический источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. С. 46.

³ *Звягин С.П.* Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX в. Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998. С. 78; *Молчанов Л.А.* Цензура белой Сибири // История белой Сибири. Мат. Третьей междунар. конф. Кемерово, 1999. С. 77; *Он же.* Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.) М., 2001. С. 83; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 220.

В связи с этим представляется необходимым изучить такие проблемы как правовые, нравственные и политические основы, темпы формирования, роль, характер цензуры на пространстве Сибири, подконтрольном Западно-Сибирскому комиссариату, Временному Сибирскому правительству и Временному Всероссийскому правительству. Решение этих вопросов в значительной мере обеспечено прекарными документальными и нарративными источниками.

В конце мая – июле 1918 г. в результате свержения Советской власти в Сибири было демонтировано репрессивное законодательство Совета народных комиссаров о печати, происходила денационализация типографий. Это вызвало лавинообразное увеличение количества разнонаправленных газет и журналов в крае, но при этом по «законам военного времени» враждебные советские и партийные коммунистические издания переставали существовать.

Первый месяц антибольшевистского управления в освобожденных городах края не действовало никаких официальных правил и органов контроля над прессой. Полная свобода слова ограничивалась только самоцензурой, основанной на традиционных нормах морали (сибирская пресса была «свободна от упреков в потворстве низменным вкусам и непристойностям»¹).

Функционировавший с 26 мая по 30 июня 1918 г. орган чрезвычайного управления, Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства, сформулировал свою позицию в отношении средств массовой информации только 25 июня 1918 г., приняв постановление «О печати»². Данный документ требовал точного и неуклонного соблюдения закона «О печати» Всероссийского Временного правительства от 27 апреля 1917 г., нормы которого были сформулированы в духе «Ареопагитики» Дж. Мильтона и представляли образец демократизма.

Пришедший на смену Западно-Сибирскому комиссариату 30 июня 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства оставил в действии постановление «О печати». Однако декларация свободы слова получила новую трактовку, уже в духе либеральных представлений о том, что свобода может существовать только в рамках закона. Министр внутренних дел Временного Сибирского правительства В.М. Крутовский 18 июля 1918 г. подписал циркуляр, в котором отмечалось, что «многие поняли свободу слова своеобразно», и рекомендовал представителям власти на местах (комиссариатам/ комиссарам) наблюдать за печатью. В случаях нарушения нравственности, публикации ложной информации, призывов к подготовке восстания рекомендовалось привлекать редакторов к ответственности на основании закона и только через судебные инстанции³. Однако летом – осенью 1918 г. ни одного судебного разбирательства по поводу обвинения средств массовой информации в нарушении закона не было. Вероятнее всего, в обстановке гражданской войны либеральные способы контроля над прессой остались не востребованными.

Представители власти, наряду с декларированием свободы слова, предпринимали меры по ужесточению общественного порядка. Совет министров Временного Сибирского правительства 15 июля 1918 г. издал «Временные правила о мерах к ох-

---

¹ Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 22.

² Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. Сб. док. и мат. Новосибирск, 2005. С. 145.

³ ГАРФ. ф. 1700. Оп. 7. Д. 5. Л. 12.

ранению государственного порядка и общественного спокойствия». Согласно документу, особое (военное) положение могло быть введено в любой местности министром внутренних дел, командующим армией или командиром корпуса. Высшие должностные лица на территории особого положения получали, в числе прочих, административное право налагать взыскания на органы массовой информации, вплоть до их приостановки¹.

Особое положение было введено в большинстве губерний и областей Сибири в августе – сентябре 1918 г. В качестве особо уполномоченных выступали высокопоставленные военные и чиновники. Они получили право приостанавливать издания в административном порядке, но каких-либо дополнительных структур для регулярного контроля над средствами массовой информации создано не было.

Установление власти Временного Всероссийского правительства (Директории) 23 сентября 1918 г. не привело к изменению официальной линии в отношении к печати, проводившейся Временным Сибирским правительством. Члены Директории продолжали декларировать свободу слова в рамках закона, но ликвидация права особо уполномоченных на приостановку изданий не последовало.

Итак, на территории Сибири в июле – ноябре 1918 г. сложилась противоречивая ситуация: правительства декларировали свободу слова в рамках закона, но ее «границы» прописаны не были, равно, как не было создано механизмов, обеспечивавших обоюдное соблюдение прав изданий и интересов государства. При этом условия гражданской войны требовали от власти ужесточения политического режима, и правительство предпринимало неуверенные шаги в этом направлении. В частности, в области контроля над прессой было введено достаточно аморфное право высокопоставленных военных и чиновников налагать взыскания и приостанавливать издания, т. е. осуществлять карательный административный надзор за средствами массовой информации.

Что бы понять, как действовали на практике подобные противоречивые установки власти и оценить эффективность административного надзора в условиях гражданской войны в Сибири, обратимся к опыту его осуществления.

За август – первую половину ноября 1918 г. по распоряжениям особо уполномоченных было оштрафовано около четырех изданий, конфисковано не более пяти номеров газет и осуществлены попытки приостановить деятельность 14-ти редакций. Очевиден перевес в сторону радикальных мер, которые оказались основной формой давления власти на средства массовой информации в период «демократической контрреволюции».

Динамика приостановления изданий в тот период времени выглядела так: в июне – июле фактов закрытия газет или журналов под давлением администрации/военных отмечено не было, в августе были произведены попытки приостановить деятельность трех редакций, в сентябре – четырех, в октябре – пяти и в первой половине ноября – еще двух. Т. е. наблюдался рост давления властных инстанций на периодическую печать.

Оценить характер давления представителей власти на прессу в период «демократической контрреволюции» можно только, выяснив причины приостановки из-

---

¹ Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сб. док. и мат. Новосибирск, 2007. С. 158.

даний. Поводом к «суровому наказанию» прессы в двух случаях официально являлась леворадикальная политическая направленность периодических органов, оппозиционных правительству; в одиннадцати – в качестве причин приостановки указывались единичные статьи и заметки, содержавшие критику конкретных действий чиновников и военных; и только в одном – распространение провокационных слухов, будировавших население, квалифицированных как «преступление». Из изданий, подвергшихся административной приостановке, два, как уже было отмечено, являлись леворадикальными, одно было ультраправым, три издавались социал-демократами-меньшевиками, четыре – социалистами-революционерами и еще четыре не имели выраженной партийно-политической направленности. Таким образом, карательный надзор имел явно политизированный характер и был направлен, преимущественно, против левого крыла идейно-политического спектра, сложившегося в Сибири в период «демократической контрреволюции».

Насколько эффективными были меры такого карательного административного контроля за прессой? Приостановки газет особо уполномоченными зачастую не приводили к желаемой цели, озвученной в постановлении от 15 июля 1918 г. – «общественному спокойствию и государственному порядку». Напротив, плюрализм мнений, гласность при отсутствии предварительной цензуры и системы лицензирования издательской деятельности обеспечивали редакционным коллективам возможность восстановления газет под новыми названиями и публичного разоблачения чиновников, «душаших общественное мнение».

Так, скандальные ситуации, известные во всей Сибири, сложились вокруг попыток закрытия социал-демократических и эсеровских газет в Барнауле и Омске. Деятельность редакций «Алтайского луча», «Нашего пути», «Дела Сибири» и «Рабочего пути» приходилось приостанавливать по нескольку раз, а закрыть «Алтайский луч» окончательно вообще не удалось. В Иркутске раз закрытые издания «Сибирский курьер» и «Сибирь» продолжали стабильно выходить после переименования, практически без изменения редакционной линии. С первого раза и окончательно переставали печататься только газеты, закрытые по политическим мотивам в Чите, где существовал более жесткий военный контроль и в уездных городках, где общественность имела мизерное влияние на власть (Ишим, Татарск).

Что же касается второй, менее очевидной цели административного давления на средства массовой информации – ограничение выступлений социалистов против власти, то тут результаты сложно оценить однозначно. С одной стороны, количество эсеровских, меньшевистских и интернационалистских изданий за август – сентябрь 1918 г. сократилось примерно на треть (с 19 до 12 наименований). Крупной потерей «левых» было закрытие одной из ведущих региональных эсеровских газет, омского «Дела Сибири». Но, с другой стороны, критический заряд социалистов в Сибири по отношению к власти осенью 1918 г. непрерывно возрастал, их пропаганда становилась более агрессивной и карательные меры не смогли этому помешать.

Вероятно, более целесообразным и действенным было бы введение предварительной цензуры. Таковая на протяжении «демократической контрреволюции» в Сибири была установлена только в двух городках. С 22 сентября 1918 г. она была введена в Томске в связи с политическим кризисом вокруг Сибирской областной думы. В октябре предварительная цензура была введена в эпицентре чумайских беспорядков – Мариинске. Однако она «глушила» мнения, выражавшиеся лишь

редакциями томских и мариинских изданий, но не могла тотально ограничить формирование и распространение критических общественных настроений, влиявших на политическую атмосферу городов Сибири.

Таким образом, можно признать, что точечный административный нажим на средства массовой информации в Сибири осенью 1918 г. использовался в политических целях и был малоэффективным.

Необходимо оговориться также на счет упоминаемых исследователями военной цензуры и иностранной цензуры на востоке России на начальном этапе гражданской войны.

В Сибири в период «демократической контрреволюции» информация военного характера была доступна широким слоям населения. В подобной ситуации военные стремились к созданию органов военной цензуры, которые не допускали бы проникновения в печать секретных сведений и различных слухов о положении на фронтах.

Седьмого августа 1918 г. временно управляющий военным министерством генерал-майор М.К. Менде сообщил в Совет министров Временного Сибирского правительства о намерении установить временную предварительную военную цензуру печати и почтово-телеграфный контроль, реанимировав соответствующий закон Всероссийского временного правительства от 26 июля 1917 г. Но утверждение закона затянулось. Только после ходатайства командующего Сибирской армией, одновременно занимавшего пост управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова 10 сентября 1918 г. действие этого закона Всероссийского правительства было подтверждено ¹.

С этого времени начинается формирование военно-цензурных комиссий и введение предварительной военной цензуры на театре боевых действий, которые в то время велись за пределами края ². В Сибири институт военных цензоров начал формироваться только после 19 ноября 1918 г. ³.

Об иностранной цензуре в Сибири летом–осенью 1918 г. говорить, вероятно, нельзя. Единственный известный факт ареста чехословаками редактора газеты был быстро «улажен» ⁴ и не показателен. А утверждение о том, что чехи требовали прекратить критику в печати в их адрес, не подтверждаются свидетельствами о каких-либо действиях в этом направлении.

Итак, в период «демократической контрреволюции» на территории Сибири контроль государства за средствами массовой информации формировался не оперативно и в своей основе имел противоречивые установки деятелей правительств. Они декларировали свободу слова, но одновременно блокировали ее временными админи-

---

¹ ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 262. Л. 46.

² Там же. Ф. 148. Оп. 6. Д. 4. Л. 2.

³ Предварительная военная цензура была введена 19 ноября 1918 г. приказом Верховного главнокомандующего (См.: ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 5. Д. 57. Л. 2).

⁴ «В местной газете "Иркутские дни" появилась резкая статья с призывами к прекращению гражданской войны, казней и т.п. Автор этой статьи известный меньшевик Е.В. Мандельберг был арестован чехам. При этом вскоре выяснилось, что арест произошел по недоразумению, без соответствующих распоряжений со стороны властей. По выяснении, Мандельберг был немедленно освобожден (побывав под арестом часа два), арестовавшие его чехи официально извинились» (См.: Доклад уполномоченного Временного Сибирского правительства, эсера Н. В. Фомина, опубликованный в красноярской газете «Дело рабочего» 25 июля 1918 г.).

стративными мерами, ужесточая политический режим под давлением условий гражданской войны. В итоге, осенью 1918 г. в Сибири сложилась ситуация, когда инструмент административной карательной цензуры оказался в руках высокопоставленных военных и чиновников, которые распоряжались им по своему усмотрению на вверенных им территориях. Соответственно, контроль за средствами массовой информации был не регулярным и децентрализованными. Он имел антисоциалистическую политическую направленность, что больше отвечало интересам «правых» политических кругов, чем соответствовало «центристской» линии власти, стремившейся к консенсусному типу взаимоотношений. В итоге, политизированный административно-карательный контроль над прессой дал ограниченный негативный эффект, не способствуя нормализации отношений между обществом и властью.